

Георгий Брянцев

КЛИНОК ЭМИРА

RUGRAM

Москва
Издатель Иванов В.Ю.

УДК 821.311.3
ББК 84(2)
Б89

Брянцев, Г.

Б89 Клинок эмира / Г. Брянцев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 484 с. — (Русский приключенческий роман).

ISBN 978-5-521-90225-5

О советских чекистах-разведчиках и подпольщиках на вражеской территории во время Великой Отечественной войны рассказывает Г.Брянцев в повести «Голубой пакет». Партизаны во время нападения на штабную немецкую машины захватывают документы исключительной важности из ставки фюрера. Радист в городе успел передать только часть сообщения — его рацию засекают враги и он взрывает себя гранатой. В тыл врага направлена связная с заданием принести ценную информацию и доставить в штаб. Но среди наших оказывается предатель и сдает её в гестапо. В центре повествования романа «Клинок эмира» история с клинком последнего эмира Бухары Сеида Алим-хана (Сейид Мир Мухаммед Алимхан), несшего на себе информацию о местонахождении части сокровищ, скрытых в песках Узбекской ССР. Далекие двадцатые-сороковые годы прошлого столетия. В Советском Туркестане бушует гражданская война, устанавливается Советская власть, народ скинул своих угнетателей. Лишившиеся власти султаны, ханы, беки, прочие представители бывших (курбаши Ибрагим-бек, Мадамин-бек, Аман-Палван и др.), сколачивают басмаческие банды в Иране, Афганистане и нападают на мирное советское население, убивая коммунистов, комсомольцев, рядовых колхозников, совершая диверсии, производя массовые грабежи.

УДК 821.311.3
ББК 84(2)
ВІС FС
BISAC FIC000000

© RUGRAM, 2022

© Подготовка текста, оформление,
Издатель Иванов В.Ю., 2022

ISBN 978-5-521-90225-5

ГОЛУБОЙ ПАКЕТ

1

Стеклянная дверь и оба окна в парикмахерской были распахнуты настежь, и все-таки в небольшом квадратном зале стояла духота, воздух был насыщен густым сладковатым запахом мыла, пудры и одеколона.

Кроме пяти клиентов и пяти потных мастеров, усердно их обрабатывавших, здесь томилось еще несколько человек, ожидавших своей очереди. В большинстве это были местные жители. Ждали они давно: оккупанты — офицеры и солдаты гитлеровской армии — обслуживались вне очереди. Об этом предупреждало объявление при входе.

По стенам были расклеены и другие засиженные мухами объявления на немецком и русском языках. В каждом из них выделялось набранное крупным шрифтом слово «Ферботен!» («Запрещено!»). Это были многочисленные приказы коменданта, полиции и городской управы.

Среди мастеров обращал на себя внимание проворством рук, этакой особой лихостью и чистотой работы сравнительно молодой человек, припадавший на левую ногу, с копной рыжих волос на голове и серыми плутоватыми глазами. Все старались попасть к нему. Он брил и стриг вдвое быстрее и значительно лучше, нежели его собратья.

Это был известный в Горелове парикмахер Степан Заболотный. Жизнь Заболотного началась и проходила в этом небольшом старинном городе. Ранняя смерть отца и болезнь матери

привели к тому, что еще пятнадцатилетним мальчишкой он поступил учеником в парикмахерскую.

Правда, раньше Степан мечтал быть геологом. Его влекли широкие просторы, тайга, горы, нехоженные тропы. Ему хотелось пожить под открытым небом. Он бредил экспедициями, открытиями. Степан всей душой любил природу, рвался к ней, но мечты пришлось отложить до лучших дней.

А пока — добросовестный и старательный — он стал искусным мастером своего дела, и это быстро оценили в городе. Его одолевали артисты местного драматического театра, его пытался переманить к себе директор областного дома отдыха для руководящих работников.

Возможно, что Степан и сменил бы свою профессию на студенческую аудиторию, но война с белофиннами помешала этому: комсомолец Заболотный вернулся из госпиталя домой с изуродованной и укороченной левой ногой.

А вскоре по шоссейным дорогам и пыльным большакам родной земли поползли на восток гитлеровские полчища. Тихий Горелов был оглушен грохотом артиллерийской канонады, гулом бомбовых ударов, окружен зловещими огненными сполохами горящих деревень. Гитлеровцы оккупировали городок.

И вот сейчас Степан добросовестно трудился над скудной шевелюрой гитлеровского интенданта, своего постоянного клиента.

Ожидающие со скучными лицами сидели за круглыми столиками, вяло перебирая немецкие газеты и ярко расцвеченные иллюстрированные журналы.

Степан, незаметно взглянув на часы, принялся массировать солидную плешину интенданта. Он бережно расчесал его жидкие, бесцветные пряди, уложил их слева направо и, отойдя в сторону, полюбовался содеянным.

— Гут, — сказал интендант, разглядывая себя в зеркало, и добавил: — Зер гут...

— Пжалста, — заученно ответил Степан и ловким движением снял с клиента простыню.

Интендант встал, застегнул ворот мундира, достал из бумажника новенькую, хрустящую бумажку и положил ее в приоткрытый ящик.

— Ауфвидерзеен, — попрощался он.

— Счастливо, — поклонился Степан.

На свободное место хотел было усесться переводчик городской управы, но Заболотный развел руками:

— Не могу... Прошу прощения... Обед...

Он снял халат, сложил инструменты и, сказав что-то на ухо своему коллеге, покинул мастерскую.

2

Жаркий июньский день стоял над Гореловом. Неторопливой прихрамывающей походкой Степан шагал по тротуару, обходя выбоины и зеленые пятна лебеды, проросшей между плитами. В руках он нес закопченный, выдавший виды примус.

На Степане была коричневая сатиновая косоворотка и темно-синие брюки из грубой шерсти. Давно не выдавшие утюга, они пузырились, на коленях.

Хромота придавала облику Степана некоторую солидность и степенность.

Он раскланивался со своими знакомыми, преимущественно с клиентами, насвистывал себе что-то под нос и, не торопясь, шагал.

А как ему хотелось мчаться сейчас очертя голову!

Калининская улица, изуродованная боями сорок первого года, с развороченной булыжной мостовой, полуразрушенными и сожженными домами, вывела его на главную в городе площадь. Теперь здесь размещались учреждения оккупантов: гестапо, военная комендатура, полиция, городская управа.

Перейдя пыльную, исполосованную глубокими колеями и местами поросшую бурьяном площадь, Заболотный вышел на Почтовую улицу и, миновав квартал, свернул на Базарную.

У длинного красно-кирпичного дома Степан остановился. Между тусклыми, замазанными известкой окнами висела вывеска, изготовленная из листа кровельного железа и оправленная в деревянную рамку:

ГОРОДСКАЯ БАНЯ

Открыта с 8 утра до 6 вечера

(Разрешение Горуправы № 869/3 от 16. X. 1941 г.)

Под вывеской была раскрыта низкая, почерневшая дверь, ведущая в подвальное помещение дома. Заболотный пригнул голову и шагнул через порог.

Он отлично знал, что вниз ведут одиннадцать крутых, стертых от времени каменных ступенек. Но Степан торопился. Он достиг седьмой, а через остальные перемахнул и едва устоял на ногах.

— Ты что? С ума спятил? — раздался низкий хрипловатый голос истопника, стоявшего у верстака.

Пожилой, грузный, в безрукавке и испачканном переднике, он держал в руке молоток, с помощью которого прилаживал к старому оцинкованному ведру новую дужку. Крупную голову его венчала копна густых, черных, но уже сильно тронутых седьмой волос. Изжелта-седые усы свисали на губы. Резкие морщины бороздили хмурое лицо и крутой лоб. Это был истопник бани и руководитель городского подполья Чернопяттов.

Заболотный возбужденно провел рукой по своей рыжей шевелюре, оглядел беглым взглядом котельную и шагнул к истопнику вплотную. Держа в одной руке примус, он другой горячо сжал плечо Чернопяттова.

— Григорий Афанасьевич! Чепе! Только радостное! Нужно немедленно действовать! — выпалил он, не переводя дыхания.

Истопник нахмурился.

— Тише ты! Можешь говорить спокойно? Сколько я тебя учил. — Он склонил голову и на всякий случай поглядел в дверной проем. — Какое там чепе?

Степан бросил примус на верстак и сказал уже более спокойно:

— Завтра утром через город пройдет машина из ставки Гитлера... — и он пытливо посмотрел, какое впечатление произведет на Чернопяттова сказанное.

Чернопяттов недоверчиво приподнял брови и продолжал сгибать до нужного положения железную дужку ведра.

— Дальше... — только и сказал он.

— На машине едет специальный курьер или нарочный, бес его знает, с почтой для командующего танковой армией фронта, — продолжал Степан.

Чернопяттов повернул голову, внимательно взглянул на Заболотного и спросил:

— Откуда ты такого нахватался?

— Ко мне только что заходил Скиталец.

Чернопятов поставил ведро на верстак и вытер руки о передник.

— Скиталец? — переспросил он, скрывая за вопросом возникшее беспокойство.

— Да! — горячо подтвердил Степан. — С ним на квартире живет унтер-офицер из комендатуры.

Чернопятов кивнул. Да, это было известно.

— Так вот, — продолжал Заболотный, — вчера, поздно вечером, унтер рассказал ему, что машину приказано встретить и обеспечить охраной на дальнейший путь. Выпили они с унтером, и тот расхвастался, что назначен в охрану курьера. Под пьяную лавочку выболтал, каким маршрутом пойдет машина, где назначены остановки, где будут заправляться. Все...

— Да... интересно! — задумчиво проговорил Чернопятов, и угрюмость его будто рукой сняло. — Если действительно все верно, то случай редкий...

— Уж куда интересней! — обрадовался Заболотный.

— Так, так... — вымолвил Чернопятов, разглаживая усы. — На машинах почту из ставки возят... Значит, осмелели господа нацисты. Пронюхали, видно, что партизаны наши ушли в дальний рейд. Очень хорошо... А что еще сказал Скиталец?

— В пять часов, после дежурства, он придет в баню. В штатском. И будет вас ждать.

— Ага... Ладно.

— Ну, я побегу, — сказал Заболотный. — Клиентов много.

Чернопятов посмотрел на него исподлобья, помолчал немного и затем проговорил:

— Больно шустрый ты! Смотри, поаккуратней... Как стемнеет, загляни на всякий случай к Митрофану Федоровичу.

— Есть! — ответил Степан и в два прыжка выскочил по щербатым ступенькам вверх.

Чернопятов проводил его взглядом, перевел глаза на верстак и, увидя забытый Заболотным примус, усмехнулся:

— Тоже мне конспиратор...

Он постоял немного, а потом в раздумье зашагал взад и вперед по большим каменным плитам котельной.

Котельная помещалась в длинном, закопченном подвале с сырыми, в подтеках, стенами. Дневной свет проникал сюда через открытые двери и небольшое окошечко над верстаком. Под сводчатым бетонным потолком висела запыленная электрическая лампочка. Она давно уже не горела: энергии только-только хватало самим оккупантам.

Правую сторону подвала занимали два горизонтальных котла, половину стены, слева от входа, — деревянный верстак с закрепленными на нем параллельными тисками, заставленный железными и эмалированными ведрами, тазами, кастрюлями, жаровнями, примусами и керосинками.

Баня работала два раза в неделю, и истопнику разрешали подрабатывать в свободное время на ремонте домашней утвари.

В самой глубине подвала вдоль узкой стены стоял топчан, покрытый грубошерстным одеялом, а над ним висело что-то ободранное и облезлое, ранее именовавшееся ковром.

Чернопяттов расхаживал, погрузившись в свои мысли. В котлах глухо бурлила вода. Сегодня баня работала.

Потом, видимо, придя к какому-то решению, Чернопяттов шумно выдохнул воздух, подошел к крайнему котлу и привычным движением ловко откинул голой рукой накаленную дверку.

В лицо ему полыхнул жар.

Окинув взглядом топку, подернутую фиолетовыми язычками пламени, Чернопяттов взял совковую лопату и, черпая ею уголь, наваленный тут же между котлами, сделал несколько бросков.

Захлопнув дверку, он снова устоялся на верстак и, покачав головой, обронил:

— Гляди-ка! Даже примус забыл!

3

Шоссейная дорога, покрытая мелкой желтой щебенкой, узкой полосой убегала в лес. Вплотную к ней высокой стеной подступали деревья. Местами они отбегали в сторону, и тогда слева и справа от дороги расстился веселый зеленый ковер, прошитый нежными, неяркими полевыми цветами.

Стояло теплое раннее утро, омытое прохладной росой, освещенное ласковым июньским солнцем.

По лесной дороге быстро бежала штабная легковая машина.

Солдаты охраны сидели в напряженных позах, держа в руках автоматы. Худосочный лейтенант, начальник охраны, сидя рядом с водителем, поглядывал по сторонам. Он чувствовал себя не очень хорошо. Он не любил поездок по загадочно молчаливым лесным дорогам. Правда, в штабе говорили на днях, что партизан здесь уже нет. Их или выкурили отсюда, или сами они куда-то ушли. Майор Шмальц даже на охоту рискнул два раза выехать. Но кто знает... Россия такая страна, а русские такой народ...

Всю дорогу лейтенант молчал, боясь пропустить малейший звук.

Курьер спал, привалившись к спинке сиденья, надвинув фуражку с огромным козырьком на глаза, и его выпяченные вперед губы издавали тихий свист. Он спал, не чувствуя, как подбрасывает машину на неровностях дороги.

Водитель сосредоточенно вглядывался в дорогу. Это был его первый рейс в здешнем районе, и местность была ему незнакома. Раньше он водил машину, обслуживавшую «зондеркоманду», в районе Минска. Заметив вдали какие-то серые строения, он спросил лейтенанта:

— Горелов?

— Рано, — ответил тот и поднес к глазам цейсовский девятикратный бинокль.

Машина спустилась в ложбину, и домишки скрылись.

Лейтенант раскрыл лежавшую на коленях планшетку и всмотрелся в карту, заложенную под целлулоид.

— Деревня Лопухово, — проговорил он. — До Горелова тридцать два километра...

Водитель поерзал; на месте и, выражая нетерпение, сказал:

— Воды надо бы долить в радиатор, а то закипит.

— В Лопухове есть колодец, — ответил лейтенант, и этот ответ прозвучал как разрешение сделать остановку.

Машина выскочила на взгорок, и деревня открылась как на ладони. Ее рубленые почерневшие от времени и замшелые избы с взлохмаченными камышовыми крышами были рассыпаны по обе стороны дороги. Многие печально и грустно глядели темными, пустыми проемами окон и дверей. Кое-где они были заколочены досками.

Колодец стоял посреди деревеньки, с левой стороны по ходу машины, около столетней вербы с длинными, струйчатыми ветвями.

Машина сошла на обочину, легко перевалила через отлогий кювет и остановилась у самого колодца.

Лейтенант первым выскочил из машины и объявил:

— Сорок минут на заправку машины и завтрак.

Столичный курьер проснулся. Приняв вертикальное положение, он некоторое время недоуменно осматривался, пытаясь понять, как сюда попал, а потом зевнул, потянулся и полез в карман за сигаретами.

Пока водитель наливал в бак бензин из последней канистры, лейтенант приседал и неуклюжими движениями разминал затекшие от долгого сидения журавлиные ноги.

Солдаты, раздевшись до пояса, шумно резвились возле колодца. Один из них, держа в руках ведро, выплескивал на остальных воду, а те, дико гогоча, прятались друг за друга. Приняв «душ», они разостлали под вербой брезент, выложили консервы, хлеб, сахар, поставили громадный термос с кофе и, громко переговариваясь, приступили к завтраку.

К их компании присоединились курьер и водитель. Первый внес в общий котел банку ананасов и коробку сардин, а второй — темный кусок жирной отварной свинины.

И никто из них не заметил, как босоногий подросток вывел из крайней избы старенький дамский велосипед, уселся на него и, энергично заработав ногами, скрылся в лесу.

Лейтенант занимался своим делом. Сняв мундир и став в таком виде еще хуже, он вымылся у колодца, затем извлек из машины офицерский плащ, небольшой черный с желтой окантовкой чемоданчик и направился к вербе.

Расположившись чуть поодаль от компании, он достал из чемоданчика два яйца, баночку со сливочным маслом, кусок голландского сыра, хлеб, кружок колбасы домашнего приготовления и плоскую флягу, обернутую сукном.

Белые, покрытые веснушками руки лейтенанта заработали. Он аккуратно отрезал четыре ровных тоненьких ломтика хлеба, помазал их сливочным маслом и прикрыл пластинками сыра.